

УДК 94 (47)

DOI: 10.24412/2070-9773-2024-1-89-106

Дата поступления (Submitted) 20.12.2023

Дата принятия к печати (Accepted) 29.12.2023

Два реформатора: о сходстве и различии карьерных траекторий и судеб С. С. Уварова и М. М. Сперанского

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ПУСТОВОЙТ

аспирант II курса кафедры истории России с древнейших времён до начала XIX века, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9
e-mail: botanpustovoi@gmail.com

Аннотация. С. С. Уваров и М. М. Сперанский – два реформатора эпохи царствования императоров Александра I и Николая I, которые персонифицировали административные и образовательные реформы конца 1820-х – первой половины 1830-х гг. В жизненных и карьерных траекториях двух преобразователей, а также в их взглядах есть неоспоримо много общего, как и несомненна их дружеская и идейная близость, особенно на рубеже 1810-1820-х гг. Пережив возвышение в первой половине правления Александра I, Уваров и Сперанский столкнулись с противодействием их реформам со стороны консервативно-настроенных кругов, что предопределило сначала ссылку Сперанского в 1812 г., а затем вынужденную отставку Уварова с должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа в 1821 г. Однако, это не означало конец их государственной службы. Напротив, при Николае I Уваров и Сперанский вновь продвигались по карьерной лестнице, что позволило раскрыться их талантам в различных направлениях административной деятельности. На основе анализа неопубликованных и опубликованных источников: программных записок М. М. Сперанского первых лет царствования Александра I, речей, статей и воплощённых преобразовательных замыслов Уварова времён попечительства, а также их переписки в статье даётся развёрнутая сравнительная характеристика идейной эволюции и судеб обоих реформаторов. Отдельное внимание уделяется рассмотрению причин и движущих сил интриги против Сперанского, приведшей к его ссылке в 1812 г., а также подрывной деятельности М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича – оппонентов Уварова в министерстве народного просвещения, добившихся его отставки в 1821 г. Показано, насколько ошибочным было осуждение идей двух реформаторов, и как это ознаменовало решительный отход императора Александра I от либеральных преобразований.

Ключевые слова: С. С. Уваров, М. М. Сперанский, реформы начала царствования Александра I, отставка, просвещение, реакционный поворот

Two reformers: on the similarity and difference of career trajectories and destinies of S. S. Uvarov and M. M. Speransky

IVAN SERGEEVICH PUSTOVOIT

2th postgraduate student, Department of history of Russia from ancient times to the beginning of the 19th century, St.-Petersburg State University, 199034, Saint Petersburg, 7-9 Universitetskaya embankment, e-mail: botanpustovoi@gmail.com

Abstract. S. S. Uvarov and M. M. Speransky are two reformers of the reign of Emperors Alexander I and Nicholas I, who personified the administrative and educational reforms of the late 1820s and the first half of the 1830s. There is an undeniable lot in common in the life and career trajectories of the two transformers, as well as in their views, as well as their friendly and ideological closeness, especially at the turn of the 1810s and 1820s. Having experienced the rise in the first half of the Alexander I' reign, Uvarov and Speransky faced opposition to their reforms from conservative-minded circles, which predetermined first the exile of Speransky in 1812, and then the forced resignation of Uvarov from the post of trustee of the St.-Petersburg Educational District in 1821. However, this did not mean the end of their careers. On the contrary, under Nicholas I, Uvarov and Speransky received new elevations that allowed their talents to be revealed in various areas of government activity. Based on the analysis of unpublished and published sources: M. M. Speransky's reform projects in the first years of the Alexander I's reign, speeches, articles and embodied transformative plans of Uvarov during the guardianship, as well as their correspondence, the article provides a detailed comparative description of the ideological evolution and fate of both reformers. Special attention is paid to the consider-

ation of the causes and driving forces of the intrigue against Speransky, which led to his exile in 1812, as well as the subversive activities of M. L. Magnitsky and D. P. Runich, opponents of Uvarov in the Ministry of Public Education, who achieved his resignation in 1821. It is shown how erroneous the condemnation of the ideas of the two reformers was, and how this marked the decisive departure of Emperor Alexander I from liberal transformations.

Keywords: S. S. Uvarov, M. M. Speransky, reforms in the beginning of Alexander I's reign, resignation, enlightenment, reactionary turn

Введение

«Дней александровых прекрасное начало» – время либерально-конституционных надежд для немногих представителей интеллектуальной элиты российского дворянства [1, с. 63-69]. Александр I, в 1801 г. вступив на престол и образовав вокруг себя кружок «молодых друзей», не только осуществил отмену репрессивных мер павловского царствования, но и, участвуя в заседаниях «Негласного комитета», начал обсуждение и корректировку программы предстоявших либеральных реформ. «Молодые друзья» поддерживали у императора стремление к преобразованиям, а также, имея за спиной внушительный багаж знаний и опыт зарубежных поездок, фактически выступили авторами или редакторами почти всех реформ 1801-1803 гг. [2, с. 181]. М. М. Сперанский, ещё к тому времени неизвестный, также косвенно был вовлечён в работу «Негласного комитета», подготовив через В. П. Кочубея в 1802-1803 гг. несколько программных записок [3]. Однако, последние годы царствования Александра I стали, напротив, периодом серьёзных разочарований и недовольств, когда император не только не исполнил обещания, но и впал к концу царствования в мистицизм и постоянно производил ротации в своём окружении, всё более и более склоняясь к консервативно настроенным приближённым – А. А. Аракчееву и А. Н. Голицыну, которым он доверил основные рычаги управления империей. Всё это предопределило отказ от конституционализма, сворачивание реформ и принятие Александром I явно реакционных мер – высылка из России ордена иезуитов, возвращения помещикам права ссылки крестьян в Сибирь, клерикализация образования, к чему просвещённая элита относилась неодобрительно [4, с. 207-229; 5, с. 372-414].

В этом смысле показательны судьбы двух не сумевших полностью реализовать себя реформаторов Александровской эпохи – М. М. Сперанского и С. С. Уварова – взлёты и падения которых на государственной службе ознаменовали собой во многом решительный отход императора Александра I от либеральных преобразований. В жизненных траекториях и взглядах этих двух государственных деятелей есть неоспоримо много общего, как и несомненна их дружеская близость в тот период времени. Цель данной статьи при помощи анализа идей и проектов реформ Сперанского и Уварова, их переписки и

государственной деятельности в 1800-1810-е гг. попытаться проследить схожесть и различность их карьерных траекторий, а также их приверженность одним и тем же идейным принципам в вопросах народного просвещения и реформирования России. Проведение аналогий между Уваровым и Сперанским стало возможным ввиду того, что ранняя государственная служба Уварова после продолжительного забвения и её игнорирования отечественными специалистами наконец получает должное освещение в трудах современных историков, вводящих в научный оборот ранее неизвестные источники и применяющих новые методы исторического исследования.

Действительно, деятельность Уварова в качестве попечителя столичного учебного округа и его, несомненно, реформаторская программа 1811-1821 гг., а значит и возможность соотнесения его тогдашней активности с другим реформатором М. М. Сперанским до недавнего времени не привлекали внимание историков в связи с тем, что, по справедливому наблюдению историка П. В. Акульшина, деятельность Уварова на посту министра народного просвещения в эпоху Николая I «заслонила от исследователей его предшествующую общественную деятельность» [6, с. 39]. Имя Уварова в общественном и научном сознании до сих пор прочно связано с его министерской деятельностью и созданными им идейными проектами 1830-1840-х гг., которые дореволюционными и советскими историками литературы и общественной мысли М. К. Лемке, С. Н. Дурылиным, В. Э. Вацуро, С. Б. Окуном и М. И. Гиллельсоном оценивались негативно. Именно эти специалисты дали Уварову такие широко известные и часто повторяющиеся броские ярлыки, как «ловкий карьерист», «политический спекулянт и учёный шарлатан», «сервилист, у которого никогда не было либеральных принципов» [7, с. 188, 208-210], «будущий реакционер» [8, с. 14], «царедворец» и тот, кто «воздвигает "умственные плотины" против отечественного просвещения, книгопечатания и литературы» [9, с. 4, 108]. Как справедливо заметила современный исследователь Н. А. Зверева, подобное одностороннее видение личности Уварова, который фактически отождествлялся с николаевской реакцией, было присуще историкам все советские годы, когда исследователи предпочитали использовать обличительный тон, не вдаваясь в тонкости политического курса, практических мер и возможности эволюции общественно-по-

литических взглядов государственных сановников [10, с. 5]. Так, М. К. Лемке, полагаясь лишь на «Записки» историка С. М. Соловьёва об Уварове, без особых раздумий описал этого государственного деятеля как «крупного карьериста николаевского царствования», в котором было лишь «крайнее самолюбие и тщеславие» [11, с. 82]. С. Б. Окунь, коснувшийся отчасти попечительской деятельности Уварова в 1810-е гг., также не избежал расплывчатых характеристик. Используя словосочетание «утончённый консерватор» он, по сути, отрицал наличие в планах и действиях молодого Уварова либеральной составляющей. «Уже в [18]20-х годах реакционность Уварова и его доктрины была несомненной», – утверждал историк [12, с. 23]. Подобное искусственное переложение «позднего» и «реакционного» Уварова на ранние годы его деятельности наблюдается и поныне [13; 14].

Соответственно, следует заметить, что если государственная деятельность и реформаторство Сперанского привлекали внимание историков с самого начала, и о нём появились фундаментальные исследования уже во второй половине XIX в. [15], то в отношении Уварова – очень избирательно изучался период его управления министерством народного просвещения. Более масштабное освещение деятельности Уварова, его научных и литературных связей началось только в 1930-х гг., когда вышла серия статей о европейских связях Уварова, которые, правда, тоже не были лишены предвзятого отношения к его фигуре. В них С. Н. Дурылин утверждал, что Уваров занимался научной и литературной деятельностью из «расчёта», будучи поверхностным, но с «учёной маскировкой», поэтому научные и публицистические труды Уварова – «некоторая копеечка серебром, положенная на текущий культурный счёт русского самодержавия» [7, с. 190-195, 208].

Только за последние годы, благодаря снижению степени ангажированности, появились работы, где Уварову не только даётся развёрнутая объективная оценка, как «просвещённому бюрократу» Александровской эпохи, но и проводится весьма справедливая параллель с другим государственным деятелем того времени – М. М. Сперанским. Современные историки указывают на сходство карьерных траекторий Уварова и Сперанского (возвышение – опала – новое возвышение при Николае I), политико-социальных идей и представлений о миссии просвещения в деле переустройства России, широту взглядов обоих реформаторов на принадлежность России к европейской цивилизации. Особое внимание обращается на их личные отношения, переписку и взаимную симпатию [16, 17]. В частности, биограф Уварова Ц. Х. Виттекер отмечала сходство жизненных траекторий двух выдающихся реформаторов Александровского царствования. Это сравнение позволило иностранному иссле-

дователю вплотную подойти к верному истолкованию идейных и карьерных устремлений молодого Уварова столичного попечителя. «И Сперанский, и Уваров, – писала Ц. Х. Виттекер, – были согласны, что преждевременная либо запоздалая реформа должны привести к катастрофе. Кажется, нет сомнений в том, что они были единомышленниками. Сперанский, признавая в Уварове первоклассный ум, не без преувеличения утверждал, что они с Карамзиным – самые выдающиеся русские ученые» [18, с. 66-67].

Возможность предложить развёрнутую сравнительную оценку идейной эволюции и карьерных траекторий Уварова и Сперанского дают неопубликованные документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Это, прежде всего, переписка Уварова со Сперанским и министром А. Н. Голицыным, выступления Уварова в экспертном органе МНП – Главном правлении училищ (далее – ГПУ), его полемика с главным оппонентом в МНП Д. П. Руничем, занявшим после него должность попечителя С.-Петербургского учебного округа. Большое значение имеют опубликованные воспоминания и переписка современников – Ф. Ф. Вигеля, братьев Н. И. и С. И. Тургеневых и Н. И. Греча, в которых содержатся высказывания об Уварове и Сперанском. Наконец, публичные выступления (статьи и речи) Уварова 1810-х гг., а также проекты Сперанского и его переписка важны для представления системы взглядов двух реформаторов в исследуемый период, в том числе взглядов на просвещение в России.

Начало государственной карьеры С. С. Уварова и М. М. Сперанского, их первые проекты, преобразования и идеи

Будучи назначен в 1811 г. попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, Уваров вступил в должность с довольно ясными представлениями о направлениях преобразований, которые должны были коснуться всех уровней обучения: высшей школы, гимназий, начальных и частных училищ [19, с. 65], а главное с ориентацией на лучшие европейские идеи и огромным запасом административной энергии. Благодаря его усилиям в короткие сроки Санкт-Петербургская губернская гимназия получила в 1811 г. «новое бытие», став первой классической гимназией в Российской империи с распределением предметов и расписанием занятий, сочетавшим гуманитарный (классический), естественный и другие циклы наук, освобождавшим воспитанников от посторонних и второстепенных предметов. Впоследствии Уварову удалось реформировать существовавший с 1804 г. Педагогический институт (далее – ПИ), в котором было измене-

но распределение предметов в сторону специализации, был проведён капитальный ремонт, обновлена материальная база преподавания, приглашены новые профессора, налажена практика публичных лекций для чиновников. Все это позволило поднять престиж этого учреждения и приблизить его к тогдашним университетам.

В конце 1816 г. ПИ при участии Уварова был реорганизован в Главный педагогический институт (далее – ГПИ), который от университетов отличался, разве что, «именем». Имея в своём составе 21 кафедру, большой профессорский штат и право возводить в учёные степени («градусы»), ГПИ, по мысли Уварова, представлял собой «зародыш» университета [20, с. 113]. В 1817 г. при ГПИ был открыт Благородный пансион, что добавляло ему социальной привлекательности в глазах столичного и провинциального дворянства. Так Уваров шаг за шагом приближался к своей главной цели – «устроению в столице центра “классического” университетского образования» [21, с. 106]. Эта идея была воплощена 8 февраля 1819 г., когда подготовленный им проект «Первоначального образования Санкт-Петербургского университета» получил одобрение императора Александра I. Ориентиром при учреждении С.-Петербургского университета для Уварова стала «немецкая модель» университета в духе идей В. фон Гумбольдта, со свободой преподавания, академической автономией и ориентацией на научные исследования. В результате, С.-Петербургский университет кардинально отличался от других университетов той эпохи своей факультетской структурой, внутренним устройством и программой преподавания [22].

Тем самым при помощи практических мер в духе учредительных документов 1803-1804 гг. – «Предварительных правил» и университетского Устава, Уваров на деле воплощал изложенные в них принципы народного просвещения и профессионализации бюрократии, поскольку теперь учебные заведения должны были готовить образованных чиновников [23, с. 21]. Деятельность Уварова в этом направлении мотивировалась утверждённым 6 августа 1809 г. знаменитого указа «об экзаменах на чин», разработанного Сперанским. Этот указ определял образовательный ценз для госслужащих, когда именно квалификация, наличие аттестата или диплома о прослушании полного курса университетских наук со сдачей соответствующих экзаменов должны были служить основным критерием успешного продвижения по службе в высших чинах. Данная мера полностью отменяла прежнее право получения высших должностей в зависимости от знатности рода и выслуги лет, без учёта способностей и умений дворянских «отпрысков». И если реакционно настроенное дворянство приняло указ Сперанского негативно, почему отовсюду послышался ропот в отношении реформатора, во многом предопределившие его

опалу весной 1812 г. [5, с. 73-78], то Уваров же, наоборот, поддержал этот указ и последовательно его реализовывал в подведомственном ему столичном учебном округе.

Уваров в своих воспоминаниях критиковал модное тогда среди дворян домашнее образование, считая его несовершенным и поверхностным [24, с. 299-303] и сделал многое, чтобы замысел Сперанского осуществился. Прежде всего, при ПИ, ГПИ и затем С.-Петербургском университете каждый год организовывались так называемые публичные курсы «для чиновников, государственной службой обязанных». В ходе них исполнявшие указ Сперанского государственные служащие слушали необходимый курс наук, в течение нескольких месяцев посещая лекции по некоторым предметам и сдавая по их итогам экзамены в учреждённом при университете Комитете испытаний, чтобы получить необходимый аттестат. К примеру, уже в первый год попечительства Уварова в ПИ полномасштабно начали действовать публичные курсы, которые становились формой популяризации этого учебного заведения в столичном обществе. 9 мая 1811 г. Конференция ПИ доносила Уварову, что на лекциях в институте, кроме «записавшихся чиновников, добровольно посещающих лекции, бывает до 100 человек и более» [25, л. 7]. Открытие публичных курсов при ПИ состоялось 1 мая 1811 г., и число записавшихся на них было значительным – 41 человек, среди которых преобладала целевая аудитория заведения – чиновники разных рангов (титулярные и надворные советники, губернские регистраторы) чиновники иностранной коллегии, военные чины и лица, еще не имеющие чинов и званий [25, л. 5-6].

Уваров старался «удерживать» воспитанников в гимназиях, мотивировал родителей не забирать своих детей, пока те не закончили полный курс обучения. Весьма показательна в этом смысле реформа Уварова 1817 г. в отношении С.-Петербургской гимназии, которой были дарованы необходимые преимущества в виде присуждения выпускникам чина 14 класса, что приравнивало гимназический аттестат к университетскому и освобождало от необходимости в дальнейшем слушать курс наук при университете, сдавая экзамены, согласно указу от 6 августа 1809 г. [26, л. 1-3]. Эти льготы дали выпускникам гимназии преимущества по службе и «возвысили вдруг это заведение, обратив на него всеобщее внимание» [20, с. 130]. Дворянство, ещё совсем недавно не желавшее обучаться в одном учебном заведении с представителями низших сословий, вдруг потянулось в гимназию. Вскоре численность обучающихся в ней достигла 616 человек [27, с. 64] – из них 150 учились в высших классах.

Не могло быть иначе, ведь Сперанского и Уварова в 1810-е гг. связывала идейная близость. Приверженность обоих реформаторов либе-

ральным принципам как в образовании, так и в общественно-политической жизни в рассматриваемый период времени прослеживается по их проектам, предложениям, а также письмам. Взгляды Сперанского на заре его карьеры можно проследить по его так называемым «ранним запискам», которые он подготовил в 1802-1803 гг. для В. П. Кочубея или В. А. Зубова – «Отрывок о Комиссии Уложения», «Предварительные рассуждения о просвещении России вообще», «О силе общего мнения», «О коренных законах государства» и «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». До сих пор неясно: являются ли эти записки подлинным отражением представлений Сперанского или всё же были написаны им по заказу. С момента обнаружения в 1816 г. Н. И. Тургеневым этих записок среди бумаг Сперанского ведётся непрерывающийся спор историков по поводу их авторства и датировки. Наиболее убедительной представляется точка зрения А. В. Предтеченского, С. Н. Валка и М. М. Сафонова о том, что эти записки были подготовлены Сперанским не позднее 1803 г. [1, с. 80-89, 181-182, 235-271; 3]. Однако, даже если допустить, что содержание записок и заложенные в них идеи принадлежат заказчикам, в данном случае В. П. Кочубею или В. А. Зубову, это всё равно не исключает того, что Сперанский не может быть назван сторонником этих идей, или, что он при составлении этих записок не участвовал в их корректировке, не вкладывал в них и свои убеждения.

В первую очередь, в этих записках Сперанский выступил сторонником медленного и постепенного эволюционного развития России посредством буржуазных реформ в сторону конституционной монархии. Сперанский боится «великих переломов», а потому он желает пройти между реакцией и революцией, предлагая те меры, которые «требуют времени и многих приготовлений» [1, с. 84, 87]. Действительно, в записке «Отрывок о Комиссии Уложения» Сперанский пытался показать причины, по которым Уложенная комиссия Екатерины II 1767-1768 гг. потерпела неудачу. По его мнению, тогда Россия, «населённая разными языками, славящаяся своей силой, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов», была не готова к предпринятому императрицей «великому делу законодательства», поскольку невозможно «заставить черемис и остяков размышлять и умствовать» [28, с. 18]. Так Сперанский впервые поднял вопрос о том, что реформы должны сочетаться с последовательной и продуманной просветительской политикой, образованием граждан, знающих свои права, ценящих свою историю, культуру, искусство и науку, а потому умеющих как следует воспользоваться дарованной им свободой.

Эту же мысль Сперанский впоследствии развил в своей другой записке 1803 г. «Предва-

рительные рассуждения о просвещении России вообще», где уверял, что сначала необходимо поднимать общий культурный уровень страны, ведь только это может способствовать успешности реформ и сделать Россию поистине «прочным» государством. Сперанский видел главную ошибку Петра I и его преемников в том, что при них «просвещение в России, так же, как и в других многих государствах, шло доселе а rebours (фр. обратное направление – И.П.), т. е. вопреки здравому смыслу». Сперанский считал, что основанная Петром I в 1724 г. Академия наук, где первоначально трудились лишь учёные-иностранцы, не могла решить краугольных проблем, поскольку деятельность Академии не затрагивала подавляющее число российских граждан. Просвещение народа шло не в том порядке. «Установление академии имело более блеску, нежели пользы. <...> Свет открытий... редко озарял наших соотечичей, и праотцы наши знали бытие и пользу сего ученого сословия только потому, что вычитали в месяцесловах предсказания погод. Учреждение университета более имело связи с народным просвещением, и, хотя в 30 миллионах народу сто человек благовоспитанных юношей не могут составить значащего общества, но, по крайней мере, сии сто человек рассыпаны были в народе и свет, ими приносимый, не терялся в странах отдаленных. Учреждение народных школ можно почесть последним действием правительства в народном просвещении до времени настоящего царствования. <...> Здравый смысл требует начинать вещи с их основания и вести к совершенству постепенно, и, следовательно, должно было бы начать народными школами и кончить Академией», – подытоживал Сперанский в записке [29, с. 372-374]. Сперанский считал необходимым увеличение в стране сети школ и именно с них был намерен начинать преобразования в сфере просвещения.

Данной мыслью Сперанский подводил к тому, что Россия, как страна деспотическая, где народ погряз в невежестве и несвободе, всё ещё лишена «особенного рода силы» – силы общественного мнения или «духа народного». В своей записке «О силе общего мнения» 1802 г. Сперанский указывал на необходимость участия граждан в управлении страной, но граждан, имеющих «внутреннее убеждение в каком-либо политическом или гражданском предмете», и у которых «постепенными действиями науки, внушениями великих писателей или политическими происшествиями разум народный обращается на предметы правительства». Снова Сперанский заявлял о необходимости просвещения народа, так как, по его словам, «дух народный, образующийся просвещением, бывает постояннее». Законы и полезные меры власти, считал Сперанский, могут найти отклик лишь в образованных и лишённых предрассудков людях. «В государствах, где нет общего мнения о предметах управ-

ления, – писал Сперанский, – все суждения о них разнообразны, уединены, недействительны. Там добрый и вредный закон приемлется с равнодушием, исполняется без усердия, проходит без внимания. <...> Но в государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения могут быть в видах своих весьма различны, но все они идут к одной цели, к общему добру» [28, с. 77-83].

Так Сперанский последовательно подводил к главной мысли – важности примата закона и народной власти над властью самодержца, указывая на необходимость принятия «коренного закона государства», то есть конституции. В каждой своей записке он критиковал самовластие и деспотизм, где не может быть ни продуманной просветительской политики, ни «духа народного», ни свободы. О неизбежности ограничения самодержавия и принятия «коренного закона» Сперанский впервые замечал в записке «Отрывок о Комиссии уложения»: «Под именем общего государственного постановления (то есть конституции – И.П.) не то, конечно, должно разуметь, что ныне существует, но то, к которому идёт Россия, ибо ныне существующее постановление состоя в одной неограниченной воле, само собой прейти долженствует» [28, с. 22]. Позже эту идею Сперанский развил в работе 1802 г. – «О коренных законах государства», где в полном соответствии со своими общественно-политическими взглядами выступил сторонником «октроированной» конституции» [1, с. 81-82]. Критика же существовавшего тогда «деспотического» самодержавного строя в России заняла большую часть этой записки. Прежде всего, Сперанский утверждал, что деспотическое правление «есть самое простейшее, народам грубым свойственнейшее и ближе подходящее к патриархальному или домашнему» [28, с. 30]. По его мнению, в условиях неограниченного самодержавия, крепостной зависимости и произвола невозможно говорить о принятии твёрдых и постоянных законов, потому что, во-первых, «в сем правлении законов быть не может», во-вторых, «коренные законы должны быть творением народа и полагают пределы самодержавной воле» [28, с. 31, 49]. Кроме того, при самодержавии навсегда придётся забыть и о народном богатстве, так как отсутствует право собственности, обеспеченное твёрдым законодательством. В то же время Сперанский прекрасно понимал, что деспотизм крепко связан с рабством, и, не ликвидировав рабство, невозможно окончательно покончить с самовластием, поэтому в этой записке он уже открыто высказывает мысль о необходимости ликвидации крепостного права в России, так как «ничто не может быть несчастнее раба просвещённого» [28, с. 49]. Крепостничество, по словам Сперанского, есть «столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нём яко временном и непременно пройти долженствующем»

[28, с. 54].

Наконец, Сперанский видел Россию частью европейской цивилизации, от которой отделяться. Напротив, Россия должна быть вовлечена в общий ход политической жизни Европы, из которой следует брать только лучшее и учиться. «Положение о том, что пути развития России и Западной Европы совпадают, составляет один из важнейших элементов мирозерцания Сперанского», – заключал А. В. Предтеченский [1, с. 237]. Сперанский уверен, что у Европы есть, чему учиться, ведь именно просвещение граждан, осуществлённое в Европе, способствовало переходу от деспотизма к конституционной монархии. Россия должна последовать данному примеру. «Надобно только взглянуть», – писал Сперанский, – на общую степень просвещения, на прилив и отлив мыслей и примеров соседних, на чувства внутренние, надобно только прислушаться к народному глухому отголоску, чтобы открыть и нужду сей перемены, и узнать степень общих надежд и желаний» [28, с. 50-51].

В «Записке об устройстве правительственных и судебных учреждений в России» 1803 г. Сперанский обрисовал контуры «истинной» монархии, к которой России следует стремиться. В «истинной» монархии полиция действует в интересах граждан, существует принцип разделения властей, декларированы «свободные понятия»: свобода печати, право собственности, равенство в судопроизводстве, но главное – введена конституция с признанием «твёрдых» законов, которые никто не посмеет нарушить, в том числе и монарх. Однако, автор в этом тексте подразумевает, что тогдашняя Россия ни по каким критериям «истинной» монархией быть названа не может: власть монарха не имеет никаких пределов, процветает рабство, народ пребывает в тотальном невежестве, отсутствует свобода печати, государственные чиновники не несут никакой ответственности, и ничто не подчинено закону [28, с. 86-140]. Все вышеперечисленные идеи стали для Сперанского «отправной точкой» для его дальнейших записок и проектов 1808-1809 гг., в которых во многом повторялись и дорабатывались те же положения, на что обращают внимания специалисты [1, с. 235-271; 4, с. 28-34].

Между тем, примечательно, и на что редко обращают внимание историки, – предложения Сперанского и его идеи были созвучны с тем, что немногим позднее говорил Уваров-попечитель – требование просвещать граждан, улучшать школы, проводить шаг за шагом реформы для скорейшего вступления России в эру конституционализма. Даже формулировки у двух государственных реформаторов довольно созвучны. В частности, Уваров, будучи членом упомянутого выше ГПУ, в его собраниях, подобно Сперанскому, открыто показывал себя сторонником идей «народного просвещения», восхищался Европой – её политической структурой

и образовательными практиками, а также был уверен, что России суждено стать частью европейской цивилизации, и что просвещение есть главный механизм социальных преобразований. «Народное воспитание, – значит в подданной Уваровым в ГПУ 4 апреля 1817 г. записке, – то есть в теснейшем смысле воспитание простого народа, сделалось одним из главных предметов общего попечения Европы. Доколе мы не обратимся к сему единственному началу просвещения, доколе мы не должны ласкаться надеждой, что семена, случайно брошенные в непредуготовленную землю, могли бы принести желаемый плод» [30, л. 25].

Представление Сперанского о необходимости укреплять именно низшую ступень образования – народные училища, чтобы затем шаг за шагом просвещать граждан и подготавливать их к участию в управлении государством, было сообразно тому, что впоследствии говорил Уваров. «Я смело скажу, – заявлял попечитель на том же собрании ГПУ от 4 апреля 1817 г., – без хороших народных училищ мы никогда не будем иметь хороших университетов и академий. Если бы за полвека прежде основания академий и университетов учреждено было скромное известное училище для образования народных учителей, тогда может быть наши академии не были бы теперь в развалинах, а наши народные училища на бумаге» [30, л. 25].

Спустя полгода, на собрании ГПУ от 14 ноября 1817 г., попечитель высказался ещё более выразительно: «Мы не можем более подвергаться справедливому, но строгому суждению Европы, требующему от нас отчёта не в наружном и часто обманчивом блеске, но в самом существе предпринимаемых нами мер в исполнении возложенного на нас звания» [30, л. 71]. Уваров, движимый неподдельной заботой о народном просвещении, призвал членов ГПУ не заниматься отвлечённой демагогией и потерей времени на поиск мнимых угроз «государственному порядку», а как можно скорее проводить реформы, внедрять проекты, поддерживать финансы университетов и учителей, расширять сеть учебных заведений, повышать уровень образованности граждан, бороться с сословными предрассудками общества. Он считал, что в деле просвещения дорога каждая минута, и члены ГПУ, как ответственные за состояние сферы образования, будут осуждаться потомками за свои ошибки и нерешительность. «Потеря одного года, одного месяца, – заявлял он в уже цитированном выступлении 14 ноября 1817 г. – чувствительна тут, где потеряно несколько десятков лет. Кто не согласится с прискорбием с тем, что целое поколение успело возникнуть и дозреть, между тем как мы рассуждали и делали опыты всякого рода?» [30, л. 72].

Используя исторические аналогии, Уваров развернуто изложил мысль о необходимости

идти путем европейского просвещения в «нашумевшей» [31, с. 37] речи на торжественном собрании ГПИ 22 марта 1818 г., ставшей откликом на известную варшавскую речь Александра I 15 марта 1818 г., где император заявил о возможности распространения конституционных учреждений на Россию. В своей речи Уваров, в согласии с идеями и риторикой «правительственного либерализма» того времени [32], говорил о «духе времени», и о конституционной монархии как идеальном политическом устройстве, об исторической неизбежности ликвидации крепостного права, необходимом и неизбежном расширении гражданских и конституционных свобод под воздействием «духа времени». Углубившись в историю Европы, он выступил жёстким критиком такого явления Древней истории как рабство, недоумевая, почему оно всё ещё существует в начале XIX в. Рабство, по мнению Уварова, – это «мрак», покрывающий «порывы» человеческих умственных сил, это «бедствие рода человеческого», это «тяжкие узы», под которыми человек «лишается чувств собственного достоинства», а потому попросту невозможны в современную эпоху. Однако, по его словам, всё же только «врождённая сила человеческого ума» и всеобщее просвещение были способны победить эти «препятствия» [33, с. 301-303].

Восхищаясь могуществом науки и просвещения, Уваров убеждал, что с их помощью можно разрешить самые острые политические проблемы – расширить, укрепить и одновременно цивилизовать империю и, пользуясь уроками европейской истории, добиться личной свободы для всех её подданных. Воспевая политические достижения Европы, где, по его мнению, «права человечества всеми признаны; права гражданства везде определены», Уваров убеждал, что «никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы» [33, с. 299, 315]. Так и Россия, победившая Наполеона и вступившая в лоно европейских держав и тем самым достигшая «известной зрелости», может рассчитывать «на дарование гражданских свобод» под воздействием «духа времени». Россия, по мысли Уварова, – «младший сын в многочисленном европейском семействе», но ей уготовано двигаться вместе с Европой и достигать стадии «зрелости». Если до недавнего времени Россия отставала от Европы, то теперь после «включения» её в европейскую семью народов она готова «по примеру Европы помышлять о свободных понятиях», как о «последнем и прекраснейшем даре Бога» [33, с. 307, 310-315].

Уваров так же, как Сперанский был уверен, что коренные преобразования в России необходимы и назрели, их должен осуществить «истинный монарх». Уваров тоже был сторонником «октроированной» конституции, а также считал монарха главным действующим лицом на пути распространения наук и тем, кто заботится о

своих подданных, «алкает» просвещения. Более того, он готов на конституционные реформы, создание представительной системы и «передачу» части своей власти гражданам [33, с. 315-316]. Уваров искренне верил, что Александр I соответствует этой миссии, но, по его собственным словам, был впоследствии «обманут» в своих надеждах [24, с. 304, 311].

Переписка С. С. Уварова и М. М. Сперанского как отражение их идейной близости

Важным подтверждением как идейной близости, так и взаимной расположенности двух реформаторов служит их сохранившаяся переписка на рубеже 1810-1820 гг., которая выдержана в доверительном тоне и отражает взаимопонимание корреспондентов. Возможно, Уваров познакомился со Сперанским еще в июне 1810 г., когда вошёл в Великую ложу, мастером стула которой был избран Сперанский [34, с. 118-121]. Впоследствии они эпизодически поддерживали связь, что подтверждают несколько их сохранившиеся писем друг другу за 1819 г. В тот период оба реформатора переживали не лучшие времена и были готовы обсуждать просветительские проекты и бранить усиливавшийся реакционный дух. Так, Уваров, получив известие о том, что Сперанского назначили Сибирским генерал-губернатором, не мог не поздравить ещё недавно опального Сперанского с получением столь высокой должности, которая открывала перед ним новые возможности. В письме от 23 апреля 1819 г. Уваров именвал Сперанского не иначе как «любимым» и «почтенным», а также изъявлял ему «чувствование неимоверного уважения», которым он «всегда был к нему наполнен». В то же время Уваров убеждал, что важнейшая миссия Сперанского в Сибири – просветительская, поэтому ему следует быть «мессией», пробивающимся «сквозь мрак», покрывший этот «несчастный» край. Уваров писал о не исследованности Сибири, о том, что эта обширная часть империи всё ещё покрыта «мраком», о ней недостает географических сведений, отсутствуют понятия о народах её населявших, их культуре, и о том, что туда ещё не пришло просвещение. Как президент Академии наук Уваров обращался к Сперанскому с просьбой по мере сил помочь Академии «распространить познания об отдалённых краях империи в Сибири», поскольку о ней «[если] не всё ново, то почти всё дурно описано и небрежно исследовано» [35, л. 3].

«Лучшие силы изнемогают, лучшие надежды увядают, но я радуюсь душевно при мысли, что свет правосудия и человечества озарит сей огромный и прекрасный край нашего Отечества. Да даст вам [Бог] все нужные силы для свершения трудного вашего подвига», – напутствовал Сперанского Уваров. В завершении письма Уваров открыто выражал свою политическую пози-

цию, говоря, что им – двум реформаторам, «вряд [ли] увидятся в Пензе», так как они находятся под наблюдением у «святой инквизиции», как именвал Уваров цензуру в годы министерства Голицына. Но в то же время сидеть, сложа руки, и бояться реакции не стоит, поскольку иначе партия реформ ослабеет и рассеется. Уваров излагал эту мысль иронически и завуалировано, но она легко различима. «Инквизиция наша, – замечал Сперанскому Уваров, – более смешна, нежели зла, а либералисты столь разделены и столь слабы, что и опасаться их нельзя» [35, л. 4].

Сперанский смог ответить на письмо Уварова, только когда добрался до Иркутска – 18 сентября 1819 г. В первую очередь он выражал «искреннюю благодарность» Уварову за то, что тот «вспоминал» о нём в годы ссылки, а также «за всё, что угодно вам было для меня сделать, сопричислив меня к академии [наук]». Сперанский соглашался с Уваровым, что Сибирь – это далёкий и неизведанный мир, Иркутск есть «последняя почти черта европейского образования», а далее, «за Байкалом», «начинается другое образование, другое чувство изящного, другая религия». Однако, Сперанский не отчаивался, понимая, что возложенный на него «род дел», состоявший в исправлении «нравственной и политической сторон» края, заставит его позабыть трудности и «пренебречь всеми опасностями» его положения. Сперанский понимал, что ему приходится не только реформировать управление Сибирью, но участвовать в «общем движении разума человеческого, в развитии сил его», увидеть «степени общественного образования», которые существовали на тот момент в Сибири. Он называл письма Уварова для себя «драгоценными» и ценил общение с ним: «Присоедините к сему и надежду некогда, сидя у пристани, беседовать с вами о здешних былях и небылицах, представлять вам сибирские картины, узорочности здешнего края и, как старики многоглазые (а я старею), сто раз вам повторять и вместе с вами выводить из всех опытов, из всех наблюдений одну и ту же истину, что везде, на всех концах света есть всеобщее движение от телесного к духовному, от тьмы к свету, от заблуждений к истине; мысль утешительная, необходимое возмездие всего настоящего» [36, с. 598-599].

Ответ Уварова Сперанскому последовал 1 декабря 1819 г. и содержал в себе весьма эмоциональные формулировки, в которых сквозило разочарование происходившим тогда в общественной жизни и образовании «помутнением умов». Очевидно, что начавшаяся в тот момент реакционная деятельность Магницкого и Рунича, их первые нападки на столичный университет, вылившиеся впоследствии в провал уваровского проекта устава, не могли не повлиять на тон этого письма. Уваров писал Сперанскому, что «вообще литература беднеет каждый день. Политика всё поглощает, все умы устремлены к

предметам, входящим в её круг». В этом смысле, полагал Уваров, настоящий патриот, любящий своё Отечество, это тот, кто имеет «чувство общей признательности» к «трудам и усердию» Сперанского, просвещавшего и исследовавшего Сибирь. Уваров не отделяет себя от Сперанского, считая, что они связаны одной задачей и одной судьбой, которая сулит им нелёгкую борьбу: «Дай вам Бог довольно твердости дела и сил, чтобы окончить великое дело, вами начатое! Сей почин утешает круг обязанностей. Бороться со всем и даже с самим собой есть девиз человека на поприще жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачна, но для совести своей всегда необходима. Даже и отдыхать слаще после бурной службы гражданской – отдыхать с друзьями всех столетий, живыми и мёртвыми, с вами, с Цицероном и с Монтанем» [35, л. 1]. Кроме того, Уваров призывал Сперанского к исследованию восточных языков и распространению «здравых понятий» об Азии, которая, по его мнению, должна была спасти страну от «преждевременной дряхлости» и «европейской заразы». Не стоит обманываться последней формулировкой Уварова, которая будто бы свидетельствует о его консерватизме и его разочаровании европейскими нормами и идеалами. На самом деле, слова Уварова – ирония над тогдашними цензурными порядками и ненавистью к Европе со стороны новых руководителей министерства просвещения.

Интрига против М. М. Сперанского и его ссылка в 1812 г.

Судьба обоих реформаторов оказалась нелёгка, правда, в разной степени суровости. Если говорить о Сперанском, то его идеи, опережавшие современников «по глубине мысли и обширности взглядов более, чем на полстолетие» [37, с. 335], амбиции и реформаторские планы не могли не встретить сопротивления среди тех, кто видел в этом лишь «смуту» и «посягательство» на вековые права и устои. До сих пор не до конца ясно, какие именно группы боролись против Сперанского, начав против него интригу и вынудив Александра I отправить его в ссылку в 1812 г. Н. Ф. Дубровин полагал, что всему виной стало противодействие со стороны «старых дельцов» – Д.П. Трощинского, Н. С. Мордвинова, А.С. Шишкова и других, которые блокировали многие начинания Сперанского, подвергая их язвительной критике во время обсуждения в Совете. «Старые дельцы» видели в реформах Сперанского «копию» с кодекса Наполеона, и что государственный сановник в ущерб русским законам хочет ввести в России всё иностранное. Сперанский же пытался опровергать наветы своих оппонентов, утверждая, что те не знали общего плана его преобразований и не имели каких-либо административных способностей, доверяя лишь только

слухам [37, с. 326].

Дубровин называл виновником падения Сперанского и самого императора Александра I, который не оказывал должной поддержки реформатору, «колеблясь между мыслью и действительным её исполнением». «...Деспотизм таился и в душе Александра, – замечал дореволюционный историк, – при всех его либеральных мечтаниях, Увлёкшись отвлечённою идеею быть благодетелем своего народа, воспитанный республиканцем, мечтавший о конституции и даже представительном правлении, Александр одобрил и сам развивал план Сперанского, но как только он стал исполняться на деле, император как бы опомнился, не желал поступить своей властью и стал прислушиваться к слухам, утверждавшим его в том, что в проекте Сперанского есть посягательство на ограничение его власти» [37, с. 336-337]. О том, что поддержка Сперанского со стороны Александра I оказалась «непрочной», и что в отставке последнего не последнюю роль сыграла личная обида императора, замечает и Л. Ф. Писарькова. Ею приведены слова Александра I А.А. Закревскому: «Сперанский никогда не был изменником отечества, но вина его относилась лично ко мне». Ввиду личной обиды Александра I Сперанский, вернувшись в 1821 г. в Петербург, уже не имел прежней близости с императором. Более того, по словам Д. Н. Блудова, и сам Сперанский «впоследствии не любил императора Александра I, который платил ему тем же» [38, с. 345].

В любом случае, Александр I может быть повинен только в излишней доверчивости по отношению к «завистникам» Сперанского, которые распускали о нём «самые невыгодные слухи, ходившие по всей России» [37, с. 330]. В самой же интриге и подготовке отставки Сперанского Александра I, который вместе с ним разрабатывал многие реформаторские проекты [5, с. 233], уличить никак нельзя. Здесь скорее виновны другие личности, о которых мы можем только догадываться, но причины, по которым они начали дискредитировать действия Сперанского, лежат на поверхности. Ещё Лагарп в своём письме Александру I от 16 октября 1801 г. объяснял воспитаннику, что в русском обществе существуют две группы: те, кто настроен против каких бы то ни было реформ, и те, кто может быть их сторонником. К первой группе Лагарп относил «вышние власти», почти всё дворянство, большую часть мещанства, почти всех людей зрелого возраста, которым «трудно перемениться», всех тех, кто напуган событиями, случившимися во Франции, Швейцарии и Италии, почти всех иностранцев и особенно «агентов иностранных держав», заинтересованных в том, чтобы Россия достигла преуспевания. Ко второй группе, значительно меньшей по численности, по мнению Лагарпа, принадлежал сам император, просвещённая элита общества – «несколько дворян, других

просвещённое», часть мещанства, несколько учёных и незначительная группа младших офицеров. Лагарп предостерегал молодого императора, кого ему следует бояться, и кто по-настоящему является противником его либеральных замыслов, призывая держаться за просвещённое меньшинство и не пугаться скудным количеством его единомышленников, ведь «число помощников не замедлит приумножиться» [1, с. 78-79].

Учитывая идейную близость Александра I и Сперанского, их совместную работу над проектами реформ на протяжении нескольких лет, и что соотношение сил противников и сторонников реформ за десять лет после письма Лагарпа мало изменилось, нетрудно предположить, что недоброжелателями Сперанского могли быть только представители первой группы, боявшиеся либеральных реформ, поскольку в среде реакционно-настроенной части дворянства и бюрократии даже столь «робкие» перемены в государстве, устроенные Сперанским с одобрения Александра I, произвели, по словам С. В. Мироненко, «настоящий переполох» [4, с. 35-36]. Оппонент Уварова Д. П. Рунич в своих мемуарах повторял, что «влияние Лагарпа» и «обуявшее все головы в Европе вольнодумство» «пагубно» сказались на Александре I, который, «увлечшись бурей европеизма», начал «под влиянием либералов французских, английских, немецких и домашних, духу неверия и вольнодумства, господствовавших повсюду», проводить несвойственные для России реформы [39, л. 21].

Следовательно, современный исследователь Т. В. Андреева справедливо видит в отставке Сперанского и его ссылке борьбу двух противоречивших друг другу лагерей – консервативного и либерального. По её мнению, негативно к Сперанскому относилась «родовая аристократия», поскольку он своей деятельностью «разрушал её монополию на царскую милость и государственную службу». «Ненавидели» реформаторство Сперанского и «консервативно настроенные чиновники “второго эшелона”, вроде Ф. Ф. Вигеля, не имевшие подобных природных дарований и не получившие систематического образования». Наконец также «опасались» нововведений Сперанского «непросвещённые поместные дворяне», боявшиеся «подтачивания основ крепостного строя». Зато, с другой стороны, «формирующееся общество», всецело было на стороне Сперанского, поскольку понимало неизбежность преобразований и необходимость России двигаться едино с Европой [40, с. 196]. Именно среди дворян и чиновников, которых преобразования Сперанского и должны были коснуться, транслировалась ненависть к реформатору как «угрозе трону» и государству, а также распускали едкие слухи, будоражившие невежественное крестьянство. На этот факт также обратил внимание А. Л. Зорин, поставив-

ший под сомнение свидетельство Ф. Ф. Вигеля о том, что в Нижнем Новгороде, через который провозили ссыльного Сперанского, чернь будто бы была готова его «растерзать на части». В то время как на деле в ссылке Сперанский проводил большое количество времени в прогулках и общении с простонародьем и не чувствовал в этом никакой опасности. «Все без исключения свидетельства о всеобщей ненависти, которыми мы располагаем, исходят из дворянской среды, артикулировавшей подобным образом свои представления о народе и формах проявления народного единства», – замечал А. Л. Зорин [41, с. 231].

Историк также обращает внимание на тот факт, что в условиях начавшегося перед войной с Наполеоном патриотического подъёма Сперанский чисто произвольно в глазах общественности стал олицетворением «образа изменника у подножия престола, готовящего своему отечеству неслыханные бедствия, посланника тёмных сил, чародея, французского шпиона, подкупленного евреями» [41, с. 214]. Сам Сперанский впоследствии в 1813 г., уже находясь в ссылке в Перми, в своём известном оправдательном письме императору писал, что его «очернили враги», что весь его труд «перетолкован», «искажён» и «покрыт самой едкой желчью», что он «измучен, действительно измучен множеством дел и ежедневно ещё терзаем самыми жестокими укоризнами» [36, с. 581]. Очевидно, что против Сперанского началась интрига, пошатнувшая его репутацию как в глазах общества, так и в глазах императора, о чём он сам часто заявлял. «В течение одного года, – писал Александру I в 1811 Сперанский, – я попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом. <...> Я знаю, что большая их (обвинителей – И. П.) часть и сами не верят сим нелепостям; но, скрывая собственные их страсти под личиной общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной» [41, с. 214].

Сперанский в своём пермском письме императору также замечал, что он лишь жертва «доносительства», «ложных страхов», «внушений», «опасного ропота», «басней», «громады лжи» со стороны его «коварных и властолюбивых врагов» [36, с. 580-583]. И это не было преувеличением со стороны Сперанского. В частности, историк М. П. Погодин, опубликовав письмо к нему А. Н. Муравьёва, приводил показательное свидетельство современника о том, как и какими средствами «готовилось падение Сперанского». К примеру, враги Сперанского распустили ложный слух, что он будто бы из «ненависти к великой княгине Екатерине Павловне» отказал одной придворной партии в Швеции, «благоприятствовавшей России», посадить на шведский престол после низвержения Вазы супруга великой кня-

гини принца Георга Ольденбургского. При этом Сперанский не доложил о том Александру I, чего впоследствии император не простил, посчитав это «изменой» [42, с. 1945]. В итоге, это обстоятельство окончательно предопределило ссылку Сперанского.

Соответственно, нетрудно догадаться, что дворянская оппозиция реформам, устроившая, по словам Д. П. Рунича, против Сперанского «интригу» и сделавшая её исполнителем министра полиции Д. П. Балашова [43, с. 388], добивалась своих целей при помощи ложных обвинений. Сперанский рано или поздно оказался в плену такого количества злословий, что Александру I пришлось отдать в жертву свою «правую руку», отправив реформатора в ссылку 17 марта 1812 г. в Пермь. Сперанский был слишком велик и слишком гениален для того, чтобы его можно было убрать «тихо». Напротив, он должен был быть публично ошельмован и обвинён, ведь только так дворянская общественность могла быть удовлетворена. В её поддержке Александр I перед войной с Наполеоном очень нуждался, почему и осуществил столь роковой просчёт [37, с. 338, 526-527]. Современник событий Г. М. Армфельдт выразил эту идею чётко и ясно: «Сперанский, виновен он или нет, должен быть принесён в жертву. Это необходимо, чтобы привязать народ к главе государства» [1, с. 283]. При этом никакие оправдания со стороны Сперанского не изменили решение императора. Внушительное по объёму и «откровенное» письмо Сперанского Александру I из Перми 1813 г., где «полуопальный сановник» [41, с. 321] буквально молил императора внять голосу разума и понять, что его преобразования «сделались источником ложных страхов и неправильных понятий», что враги, «не зная плана правительства, судили намерение его по отрывкам, порицали то, чего ещё не знали, и, не видя точной цели и конца перемене, устремились вредных установлений», что «клевета и ненависть», всегда его преследовавшая, «расширилась» по мере приближения к окончательному оформлению «Плана государственного преобразования» [36, с. 571-573], было оставлено без внимания. Император остался глух к голосу правды, и судьба Сперанского была предрешена.

Дискредитация деятельности С. С. Уварова на должности попечителя и его вынужденная отставка в 1821 г.

Сложная судьба ожидала и молодого попечителя С.-Петербургского учебного округа Уварова, который так же рано или поздно оказался вынужденным находиться в состоянии ответчика за предпринятые им реформы и высказанные на собраниях ГПУ идеи. В истории с вынужденной отставкой Уварова с должности попечителя в 1821 г. можно провести много параллелей с ин-

тригой против Сперанского и его последующей ссылкой, но также можно найти и некоторые отличия. В первую очередь, есть разница в том, что если Сперанского, имевшего скромное происхождение, считали «выскачкой» и «дерзким поповичем», который поднялся из ниоткуда и стал вершить по собственному произволу дела [44, с. 140], то Уваров же родился в знатной и аристократической семье. Однако, это никак не уберегло его от зависти, ведь ему, напротив, ставили высокое происхождение в укор, словно все его успехи на государственной службе вызваны только родовитостью и удачной женитьбой в 1810 г. на дочери министра народного просвещения А. К. Разумовского [43, с. 382; 45, с. 292; 46, с. 339].

Критика усилилась, когда Уваров в 24-летнем возрасте, имея опыт только дипломатической службы, получил престижную должность попечителя Санкт-Петербургского округа, что, по его собственным словам, свидетельствовало о личном расположении к нему императора Александра I [24, с. 302]. Естественно, что столь стремительный карьерный взлёт, да ещё в таких юных годах не мог не вызвать по отношению к Уварову язвительности. На этот факт обращали внимание современники – близкие Уварову, которые высказывали ему опасения относительно опасности быть опороченным. «Уваров, – писал 20 января 1811 г. А. И. Тургенев К. Я. Булгакову, – действительный статский советник и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа на месте Новосильцева. Я радуюсь этому, потому что ещё люблю Уварова; почти ежедневно его вижу. Но беспримерное его шашие возбудило во многих зависть, в других справедливое негодование. Ему не должно терять головы и вести себя осторожнее» [47, с. 117]. В целом, почти все мемуаристы, отмечают, что в должность попечителя он вступил очень рано [48, с. 120-121], а это не могло не вызвать у других тягу к доносительству. Так оно и случилось. Со временем, когда роль Уварова в министерстве усиливалась, и он шаг за шагом проводил намеченный им изначально курс преобразований в столичном учебном округе, от которого он не собирался отказываться ни при каких условиях [49, с. 100-101], против молодого попечителя сложилась реакционно-настроенная группировка, которая обвиняла Уварова в чрезмерной «заносчивости» и высокомерии [18, с. 13-14, 141].

При этом важно заметить, что если в отношении Сперанского историки до сих пор не могут определить, кто конкретно осуществил против него интригу и подготовил его ссылку, то, наоборот, тех, кто дискредитировал Уварова на должности попечителя, мы назвать точно можем. М. Л. Магницкий и Д. П. Рунич, «завладевшие» министром А. Н. Голицыным, постепенно посредством распространения слухов и доносов поставили под сомнение все плоды реформ

Уварова, а его самого дискредитировали в глазах власти, предрекая его отставку [50, с. 90-92]. Сначала был разгромлен основанный Уваровым в 1819 г. Санкт-Петербургский университет, в котором 3, 4 и 7 ноября 1821 г. началось «судилище» над преподавателями, вошедшее в историю как «дело профессоров» 1821-1822 гг. Немногим позже – 12 марта 1822 г. Д. П. Руничем, занявшим место Уварова, был закрыт организованный Уваровым в 1820 г. Учительский институт при столичном университете. Рунич назвал его «совершенно бесполезным» [51, с. 1632] и слил с III Петербургской гимназией [20, с. 120]. Наконец, Санкт-Петербургская губернская гимназия, реформированием которой Уваров занимался все годы попечительства [52, с. 58-59], также была Руничем в 1823 г. реорганизована, причем в сторону нивелирования нововведений Уварова [20, с. 130-135]. Магницкий и Рунич не скупились на едкие характеристики в адрес Уварова, утверждая даже, что его деятельность имела разрушительный характер. «Войдя в рассмотрение настоящего университета – писал Голицыну Рунич, заняв должность попечителя, – я нашёл оный в совершенном расстройстве и упадке. <...> Здешний университет, Благородный пансион и гимназия требовали не улучшения, но коренного возрождения и по учебной, и нравственной и хозяйственной частям» [53, л. 1, 10б-10в]. Каждое обвинение Магницкого и Рунича в адрес Уварова мотивировалось опасностью для «алтаря и трона» преобразованных им учебных заведений, которые уже «подкопаны у самого основания» [54, с. 231].

Уваров представлял опровержения доводов своих оппонентов на собраниях ГПУ, писал министру Голицыну, призывая к беспристрастности. Так, в своём малоизвестном письме А. Н. Голицыну, которое Уваров подал в момент своей отставки – 2 мая 1821 г., столичный попечитель попытался открыто донести министру, что ГПУ, «отклонившись от назначенной ему цели, взяло в основание своих действий систематическое порицание» всего того, что с 1816 г. Уваровым было сделано в подконтрольном ему Санкт-Петербургском учебном округе. В этом большом письме Уваров в весьма эмоциональной манере шаг за шагом оспаривает ложные обвинения со стороны его оппонентов в министерстве, начиная с истории с отвержением его проекта Устава для Санкт-Петербургского университета в 1819 г. и заканчивая устроенной на рубеже 1820-1821 гг. Магницким и Руничем атакой на ланкастерский метод и открытый Уваровым при Санкт-Петербургском университете Учительский институт. «После того, что произошло при рассмотрении проекта устава, предложенного мной для Санкт-Петербургского университета, – писал Уваров Голицыну, – я мог без труда предвидеть, на какую новую борьбу мне должно было готовиться; но кто бы мог угадать, что одинаковый

способ нападения будет употреблён два раза с надеждой на равный успех? <...> Те же самые обвинения, на которые я отвечал бы единственно молчанием, если бы они были произносимы одним лицом, заслуживают внимания, когда их произносит... ГПУ, когда они изложены в официальной форме и в виде приговора, и когда наконец они в моё отсутствие были представлены... министру духовных дел и народного просвещения» [55, л. 183-184]. Уличая своих оппонентов в подмене понятий, представляя Голицыну их истинные амбиции и их неосведомлённость в делах просвещения, Уваров не мог скрыть досады и «личных оскорблений». Он замечал министру, что его уже несколько лет в министерстве «клепят печатью отвержения», и что он вынужден регулярно читать «порицания», наполнявшие журналы ГПУ и комитетов при нём [55, л. 195-196]. Однако, несмотря на представленные Голицыну доказательства, детальный разбор подрывной деятельности Рунича и Магницкого, их коварных замыслов, Уваров так и не смог добиться объективного и взвешенного отношения к себе со стороны министра, который продолжил во всём слепо доверять его оппонентам.

Неудивительно, что, находясь в условиях, не позволявших более спокойно исполнять свои должностные обязанности, Уваров сначала перестал посещать заседания ГПУ с 28 апреля 1821 г. [56, л. 70], а летом того же года оставил должность попечителя. Исследователи справедливо видят в отставке Уварова «протест» против нового направления деятельности министерства [57, с. 64]. Действительно, Уваров ушёл с должности, когда чаша его терпения переполнилась, и дальнейшее противостояние не сулило ничего хорошего. Его не слышали, а его попытки выразить несогласие расценивались как предосудительные действия. Последние два года попечительства стали для него в принципе серьёзным стрессом, почему он в обращении Голицыну от 2 апреля 1821 г. с просьбой об отставке мотивировал своё решение тем, что «чувствует ежедневное ослабление издавна изнемогающего здоровья» [58, л. 47].

Уварову была непонятна избранная Александром I тактика невмешательства в университетские дела, как бы поощрявшая разоблачения и преследования, его полное доверие в этом вопросе А. Н. Голицыну [59, с. 104]. Отмечал Уваров и непостоянство характера Александра I, его слабование, утверждая, что «впечатлительный и подвижный в глубине своей характер императора» давал «лишь довольно слабую гарантию». «Одна из черт характера Александра заключалась в том, что он постоянно переходил по отношению к одним и тем же людям от крайнего доброжелательства к крайнему отвращению, чаще всего, не причиняя им вреда в их общественном положении, но и не давая им понять причину изменений», – заключал также Уваров

[17, с. 193-194]. В связи с этим, наблюдая консервативно-клерикальный поворот в просвещении, Уваров не мог скрыть разочарования императором, почему он, полный досады, допускал даже критику в его адрес. Так, в одном из его писем Н. И. Тургеневу в 1817 г. говорилось: «Мы живём в столетие обманутых надежд. Трудно родиться на троне и быть оною достойным» [60, с. 83]. Очевидно, что Уваров к тому времени понял, что одному, без союзников ничего не добиться. Как правильно в этой связи об Уварове заметила М. Л. Майофис: «[Он] на примере Сперанского убедился в том, что действия в одиночку неотвратимо приводят к краху задуманных реформ» [61, с. 105]. Разница была лишь в том, что Уваров, хоть и под давлением, оставил должность попечителя добровольно, а Сперанский же был осуждён и выслан.

Однако, лучшим отражением стойкости обоих реформаторов служат их личные письма Александру I на момент вынужденного ухода с должностей. Если Сперанский обратился к государю через год после отставки из Перми, то Уваров по прошествии нескольких месяцев – 18 ноября 1821 г. В письме императору Уваров замечал, что вокруг него и Санкт-Петербургского университета образовался «клубок теней», где «факты столь извращены и представлены со стороны столь странной и загадочной», что всё это вряд ли когда-либо может быть распутано [62, с. 382]. Такими словами Уваров вновь описывал, по сути, подрывную деятельность своих злопыхателей, что дало основания А. Н. Пыпину назвать письмо Уварова императору «личной защитой от нападения этих людей» [63, с. 160]. Уварову пришлось оправдываться перед императором и возвращать себе честное имя, и он сделал это, подобно Сперанскому, единственным возможным для него способом. В письме Уваров ругался, что правда на его стороне, и эта правда рано или поздно станет Александру I очевидна. «Государь, – обращался Уваров в письме к императору, – таково состояние этого дела («дела профессоров» – И.П.). Поскольку это моё дело то мне за него отвечать. Если мне брошено перо, то и я поднимаю его в Вашем присутствии <...>; со временем Ваше Величество узнает все» [62, с. 382-383].

Но Александр I не внял «доводам рассудка», выразив через министра Голицына лишь своё неудовольствие. Попечитель же в ответном письме Голицыну от 20 ноября 1821 г. оправдывал свою излишнюю эмоциональность в обращении императору «горячим участием в судьбе Петербургского университета», желая, чтобы обвинённым Руничем профессорам была предоставлена возможность защищать себя «на законном основании». В своих черновых автобиографических заметках Уваров говорил о неприемлемости осуждения «за несколько неосторожных фраз» людей, преподающих науки,

которые «только начинают развиваться в России – всеобщей истории, статистики, философии» [19, с. 219]. Тем не менее, судьба Уварова и его преобразований оказалась неутешительной – последовал разгром столичного университета Д. П. Руничем в ходе «дела профессоров» 1821-1822 гг., а самого Уварова ещё ранее «отлучили от деятельности на образовательной ниве из-за чрезмерного либерализма» [41, с. 348]. Непроста, немногим позже, в своём письме Николаю I в марте 1832 г. Уваров заметил, что реформаторские идеалы в России уже «на протяжении тридцати лет принуждены были противостоять людям и событиям» [41, с. 344], имея в виду и свою отставку в 1821 г., и ссылку Сперанского в 1812 г.

Заключение

Со временем ошибочность осуждения идей двух реформаторов стала очевидной, в то время как истинные планы тех, кто строил против них козни, были вскрыты. В этом отношении справедливы слова Ф. Ф. Вигеля, заметившего, что, как только Сперанский оказался в ссылке, «о нём почти все забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалеть о нём. Он два года прожил в Перми, никем почти не посещаемый; но человек с высокими думами уединение всегда предпочтёт обществу необразованных людей» [46, с. 391]. Сам Уваров видевший виновниками ссылки Сперанского в 1812 г. председателя Комитета по делам Финляндии генерала Г. М. Армфельдта и министра полиции генерал-адъютанта А.Д. Балашова, в своей мемуарной работе «Этюд об императоре Александре» описывал Сперанского как человека предприимчивого, с «безудержным честолубием», но «превосходившего в талантах и способностях всех своих соперников» [17, с. 192].

Закономерно, что по прошествии нескольких лет, когда Магницкий и Рунич были наконец разоблачены и осуждены, об Уварове и его замыслах тоже вспомнили. Ещё в момент отставки Уварова с должности попечителя в 1821 г. ректор Санкт-Петербургского университета М. А. Балугьянский от своего имени и от лица конференции университета выражал сожаление в связи с его вынужденным уходом. Балугьянский указывал, что именно Уварову столичный университет и его «учёное сословие» обязаны своим становлением и укреплением, а также уповал на то, что бывший попечитель не оставит дело просвещения, продолжая и дальше принимать живое участие в его развитии. «[Учёное] сословие..., – звучало в письме Балугьянского Уварову от 17 мая 1821 г., – не забудет, с какой готовностью ваше превосходительство расположены были в продолжении вашего управления содействовать как общему благу университета, так и в особенности каждого из членов оною; не забудет, что вашим ходатайством бывший Педагогический

институт получил новое существование и наконец возведён на степень университета, и что таким образом оно вам обязано всеми выгодами и преимуществами, кои ныне высочайше оному дарованы. Конференция питает себя надеждой, что, оставляя университет, ваше превосходительство не перестанет вместе с тем оказывать участие к трудам, кои предстоят ей для успешнейшего достижения цели, предначертанной правилами заведения, которое попечением вашего превосходительства обязано бытием своим» [64, л. 181].

Уваров не ошибся, предвидя для планов Рунича и Магницкого лишь недолгое и «эфемерное» бытие [62, с. 382]. Так оно и случилось. Сначала ошибочность своих действий незадолго до своей смерти признал Александр I, который вновь приблизил к себе Уварова, простив ему старые обиды [24, с. 305]. Ставший императором Николай I не скрывал своего презрения к Магницкому и Руничу, которые были уличены в злоупотреблениях и неэффективном управлении. При этом высылка Магницкого из Петербурга в Ревель 6 мая 1826 г. была, по словам Греча, для Николая I «единственным делом, которое он себе позволил до вступления на престол» [45, с. 312]. С Руничем же вышло всё ещё более строго. О профессорах С.-Петербургского университета Николай Павлович, еще в бытность главным инспектором Корпуса инженеров, имел высокое мнение. Так, в феврале 1821 г. он лично благодарил профессоров М. С. Чиждова и М. Ф. Соловьёва за «ревностное и основательное» преподавание в стенах Инженерного училища [65, л. 86-88]. Получив через Комитет министров донесение от министра народного просвещения А. С. Шишкова о коррупции со стороны Рунича, Николай I 6 июля 1826 г. подписал акт об увольнении Рунича с должности попечителя, в котором говорилось, что «по допущенному им расстройству хозяйственной и учебной части в Санкт-Петербургском университете [он] не может более оставлен в настоящей должности, а должен считаться под следствием» [58, л. 101-104].

Произведя ротации в министерстве народного просвещения и ГПУ, заменив многих попечителей округов и сменив двух министров, Николай I в итоге приблизил к себе Уварова, доверив ему дальше реформировать российское просвещение. По этому поводу Уваров вспоминал: «Великий князь Николай открыто заявлял себя на моей стороне и на своих довольно ограниченных тогда административных должностях выступал против тех интриг, с которыми я боролся. Это обстоятельство, разумеется, поставило меня с ним в отношения до некоторой степени конфиденциальные, причем настолько, что, когда он внезапно вззошел на престол, я, несомненно, находился в списке тех, на ком предполагалось основать новое управление Империей» [24, с. 305]. То же самое случилось и со Сперанским, который при Николае I осуществил широкомасштабную коди-

фикацию российского законодательства, за что в конце жизни в 1839 г. получил титул графа. Уварову графское достоинство было пожаловано в 1843 г. Таким образом, Сперанский и Уваров во второй половине жизни достигли вершин карьеры, с той лишь разницей, что такой серьезной опалы, что произошла со Сперанским в 1812 г., Уваров не испытал. По сути, оба они персонифицировали административные и образовательные реформы конца 1820-х – первой половины 1830-х гг.

Опережавшие своё время преобразователи и предпринятые ими реформы впоследствии пережили тех, кто их блокировал. Говоря о Сперанском, Н. И. Греч метко отмечал, что, поначалу «враги Сперанского торжествовали», добившись его ссылки, но «не дай Бог никому подобного торжества. Где они? Все умерли, не оставив ни сожаления, ни памяти о себе, а имя Сперанского будет блистать, доколе будут существовать законы в России» [45, с. 276]. Подобные слова произносили современники и об Уварове, понимая, что сделанное им надолго определит развитие российской науки и образования. Историк М. П. Погодин писал в 1841 г. Уварову следующее: «Дела ваши таковы, что они сами за себя говорят громче всех, и всякая зависть, и всякое злоречье, рано или поздно, должны умолкнуть перед ними» [66, с. 2086].

Одним словом, и Уваров, и Сперанский – значимые фигуры в истории российского просвещения и реформаторства, что справедливо уже для 1810-х гг., не говоря о периоде расцвета карьеры Уварова-министра и превращения Сперанского в руководителя кодификации и автора многочисленных проектов сословных и административных реформ николаевского времени. Столкнувшись с противодействием их проектам со стороны реакционно-настроенных группировок, они не встретили необходимой поддержки от Александра I, что предопределило и ссылку Сперанского в 1812 г., и отставку Уварова в 1821 г. Тем не менее, они оба вынесли необходимый опыт из произошедшего. Уваров позже писал, что его амбиции времён попечительства были лишь «ошибкой юности», данью эпохе, и, пережив надлом на рубеже 1810-1820-х гг., он впоследствии держался осторожнее, «в стороне» от конфликтных ситуаций [24, с. 304-305]. Сперанский же, вернувшись в Петербург, больше не был так близок с Александром I, как прежде, а в годы царствования Николая I уже не выступал со всеобъемлющими проектами преобразований, сосредоточившись на издании Полного собрания законов Российской империи, участвуя в деятельности различных государственных комитетов, являясь председателем департамента законов Государственного совета, а также преподавая несколько лет юридические науки наследнику престола – будущему императору Александру II.

Литература и источники

1. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 456 с.
2. Жуковская Т. Н. «Просветительские проекты "Молодых друзей" и создание министерства народного просвещения (1802)» // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 11. 2012. С. 181-191.
3. Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского // ВИД. Т. XXII. Л., 1991. С. 101-117.
4. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: Полит. борьба в России в нач. XIX в. / С. В. Мироненко; АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва: Наука, 1989. 240 с.
5. О'Мара П. Русское дворянство времен Александра I / Патрик О'Мара; пер. с англ. А. Шокаревой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.
6. Акульшин. П. В. П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П. В. Акульшин; Рязан. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина. Москва: Памятники ист. мысли, 2001. 238 с.
7. Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. № 4-6; / Предисл. ред. С. 81-504.
8. Вацуру В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас». Сборник. В 2 кн. Кн. 1. Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы / сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуру [и др.]; под общ. ред. В. Э. Вацуру, А. Л. Осовата; вступ. ст. В. Э. Вацуру. Москва: Художественная литература, 1994. 604 с.
9. Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. 382 с.
10. Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С.С. Уварова: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2005. 34 с.
11. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг.: по подлинным делам Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии: с 7 портретами / Мих. Лемке. Изд. 2-е. Санкт-Петербург: издание С. В. Бунина, 1909. 626 с.
12. Окунь С. Б. Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности. 1819-1835 // История Ленинградского университета. Очерки. Л., 1969. С. 11-69.
13. Парсамов В. С., Удалов С. В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С. С. Избранные труды / сост., авт. вступ. т. и коммент.: В. С. Парсамова, С. В. Удалова; авт. пер. В. С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5-54.
14. Маслин М. А. Предтеча евразийства. Ориентализм С. С. Уварова в исторической перспективе // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 255-267.
15. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: Т. 1-2. СПб.: Импр. публ. б-ка, 1861.
16. Жуковская Т. Н. Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении как инструменте реформирования империи // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 140-148.
17. Шевченко М. М. С. С. Уваров и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 188-197.
18. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
19. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. / Ф. А. Петров; Гос. ист. музей. М.: Гос. исторический музей, 1998. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. Ч. 2. 1998. 388 с.
20. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно / Сост. по поручению г. попечителя С. Петерб. учеб. окр. т. с. М.Н. Мусина-Пушкина. Санкт-Петербург: тип. Я. Третья, 1849. 293 с.
21. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением»: Очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII-первой половины XIX в. СПб. Изд-во СПбГУ, 2000. 227 с.
22. Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С. С. С. Уваров и его проекты 1811-1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Т. 10. № 7 (17). С. 113-129.
23. Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. Москва: Индрик, 2006 (М.: Тип. Наука). 344 с.
24. Уваров С. С. Опыт автобиографии, посвященный моему сыну // Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. № 1. 2018. С. 298-318.
25. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 547. 33 л.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 177. 19 л.
27. Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX века. Сборник документов / Отв. сост. Н. Ф. Никольцева. СПб.: «Лики России», 2000. 359 с.
28. Сперанский М.М. Проекты и записки / Подгот. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина; Под ред. [и с предисл.] С.Н. Валька Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1961. 244 с.
29. Рождественский С. В. Две записки М. М. Сперанского // Рождественский С. В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX веках. СПб., 1910. С. 372-379.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. 173 л.
31. Шебунин А. Н. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Тургенев Н. И. Письма к брату С. И. Тургеневу. 1811 – 1824. [Подг. текста, коммент, вступ. статья А.Н. Шебунина]. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1936. 587 с.
32. Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм: споры о конституциях и рабстве в русских журналах 1800-1810-х гг. Мастер-лекция. Петрозаводск, 2002. 42 с.
33. Уваров С. С. Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 287-317.
34. Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Елена Вишленкова; [Сарат. межрегион. ин-т обществ. наук (МИОН)]. [Саратов]: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 439 с.
35. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731. Д. 2185. 4 л.
36. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
37. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века / Н. Ф. Дубровин. Санкт-Петербург: Изд-во ДНК, 2007. 645 с.
38. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова; Российская акад. наук, ин-т российской истории. Москва: Новый хронограф, 2012. 448 с.
39. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 656. Ед. хр. 6. 40 л.
40. Андреева Т. В. Тайные общества России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение / Т. В. Андреева; Российская Акад. наук, Санкт-Петербургский ин-т истории. Санкт-Петербург: Лики

России, 2009. 911 с.

41. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: литературная и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. / Андрей Зорин. Москва: Новое лит. обозрение, 2004. 414 с.
42. Погодин М. П. К биографии М. М. Сперанского // Русский архив. 1871. № 12. С. 1942-1948.
43. Рунич Д. П. Из записок // Русская старина. 1901. Т. 106. № 5. С. 373-394.
44. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М.: Статут, 2014. 487 с.
45. Греч Н. И. Записки о моей жизни / [соч. Н. И. Греча; изд. под ред. П. С. Усова]. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1886. 588 с.
46. Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. 590 с.
47. Письма Александра Тургенева Булгаковым / подготовка текста писем к печати, вступительная ст. и коммент. А. А. Сабурова; под ред. И. К. Луппол; Всесоюзная б-ка им. В. И. Ленина. Москва: Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. 375 с.
48. Лонгинов М. Н. Воспоминание о графе С. С. Уварове: (Из журн.: Современник, 1855, окт., с. 119-124) / [Мих. Лонгинов]. 1855.
49. Васильчиков А. А. Семейство Разумовских / [соч.] А. А. Васильчикова. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880-1894. Т. 2. 1880. 588 с.
50. Гёце П. П. Из записок Петра Петровича фон Гёце «Князь Голицын и его время» // Русский Архив. 1902. Кн. 3. С. 66-107.
51. Сборник постановлений по министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. 2-е изд. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875-1876. Т. 1: Царствование императора Александра I. 1802-1825 [год]. 1875. 1864 стб.
52. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: издание О. Богдановой, 1912. 346 с.
53. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 288. 163 л.
54. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819-1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. 760 с.
55. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45. 246 л.
56. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 20. 362 л.
57. Шевченко М. М. Конец одного величия. М.: Три квадрата, 2003. 256 с.
58. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 1. Д. 101. 121 л.
59. Жуковская Т. Н. «Дело профессоров» 1821 года в Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. Т. 161. Кн. 2-3. С. 96-111.
60. Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1924 годы. Петроград: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. Т. 3. 501 с.
61. Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815 – 1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.
62. [Письмо бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова к императору Александру I] // Сухомлинов, М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1889. С. 378-385.
63. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1: Религиозные движения / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. 1916. Петроград: Огни. 486 с.
64. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 82. 193 л.
65. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 732. Оп. 1. Д. 383. 246 л.
66. Погодин М. П. Для биографии гр. С.С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. С. 2078-2112.

References

1. Predtechenskiy A. V. Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii v pervoj chetverti XIX veka [Essays on the socio-political history of Russia in the first quarter of the XIX century], Moscow-Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1957, 456 p.
2. Zhukovskaya T. N. «Prosvetitel'skie proekty "Molodyh družey" i sozdanie ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1802)» ["Educational projects of the Young Friends and the creation of the Ministry of Public Education (1802)"]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University], no 11, 2012, pp. 181-191.
3. Safonov M. M. O tak nazyvaemykh rannih zapiskakh M. M. Speranskogo [On the so-called early notes of M. M. Speransky], VID, T. XXII, Leningrad, 1991, pp. 101-117.
4. Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy: Polit. bor'ba v Rossii v nach. XIX v. [Autocracy and reforms: Polit. the struggle in Russia in the beginning. XIX century], Moscow, Nauka Publ., 1989, 240 p.
5. O'Mara P. Russkoe dvoryanstvo vremen Aleksandra I [The Russian nobility of the time of Alexander I], Moscow, New Literary Review Publ., 2023, 520 p.
6. Akul'shin. P. V. P. A. Vyazemskij. Vlast' i obshchestvo v doreformennoj Rossii [P. A. Vyazemsky. Government and Society in Pre-Reform Russia], Moscow, Monuments of historical thought, 238 p.
7. Durylin S. N. Russkie pisateli u Gete v Veimare [Russian writers at Goethe's in Weimar]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy], 1932, no 4-6, pp. 81-504.
8. Vacuro V. E. V preddverii pushkinskoj epohi. «Arzamas», Kn. 1: memuarnye svidetel'stva, nakanune «Arzamasa», arzamasskie dokumenty [On the eve of the Pushkin era. «Arzamas». Vol. 1: Memoir evidence. On the eve of Arzamas. Arzamas documents], Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1994, 604 p.
9. Vacuro V. E., Gillel'son M. I. Skvoz' «umstvennyye plotiny» [Through the "mental dams"], Moscow, Book Publ., 1986, 382 p.
10. Zvereva N. A. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S.S. Uvarova [Socio-political views of S.S. Uvarov], avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02, Volgogr. gos. un-t, Volgograd, 2005, 34 p.
11. Lemke M. K. Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826-1855 gg.: po podlinnym delam Tret'ego otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancel'yarii [The Nikolaev gendarmes and literature of 1826-1855: on the true affairs of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery], Saint-Petersburg, S. V. Bunina Publ., 1909, 626 p.
12. Okun' S. B. Osnovanie Sankt-Peterburgskogo universiteta i nachal'nyj period ego deyatel'nosti. 1819-1835 [The foundation of St. Petersburg University and the initial period of its activity. 1819-1835]. *Istoriya Leningradskogo universiteta, ocherki* [The history of Leningrad University], Leningrad, 1969, pp. 11-69.
13. Parsamov V. S., Udalov S. V. Sergej Semenovich Uvarov [Sergey Semenovich Uvarov], Uvarov S. S, Izbrannye trudy, Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 5-54.
14. Maslin M. A. Predtecha evraziystva. Orientalizm S. S. Uvarova v istoricheskoy perspective [The forerunner of Eurasianism. S. S. Uvarov's Orientalism in historical perspective]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2018,

no 1, pp. 255-267.

15. Korf M. A. *ZHizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky], T. 1-2, Saint-Petersburg, Imperial Public Library Publ., 1861.
16. Zhukovskaya T. N. *SHkola dlya imperii: M. M. Speranskij i S. S. Uvarov o prosveshchenii kak instrumente reformirovaniya imperii* [School for the Empire: M. M. Speransky and S. S. Uvarov on education as an instrument of Empire reform]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St.-Petersburg Historical Journal], 2023, no 3, pp. 140–148.
17. Shevchenko M. M. *S. S. Uvarov i M. M. Speranskij* [S. S. Uvarov and M. M. Speransky]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [St.-Petersburg Historical Journal], 2023, no 3, pp. 188–197.
18. Vitteker C. H. Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremya [Count Sergei Semyonovich Uvarov and his time], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999, 350 p.
19. Petrov F. A. Rossijskie universitety v pervoj polovine XIX veka. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. Kn. 2, ch. 2: Stanovlenie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii v pervye desyatiletija XIX veka [Russian universities in the first half of the XIX century. Formation of the university education system. Book 2, part 2: The formation of the university education system in Russia in the first decades of the XIX century], Moscow, State Historical Museum Publ., 1998, 388 p.
20. Voronov A. S. Istoriko-statisticheskoe obozrenie uchebnyh zavedenij S. Peterburgskogo uchebnogo okruga s 1715 po 1828 god vklyuchitel'no [Historical and statistical review of educational institutions of the St. Petersburg Educational District from 1715 to 1828 inclusive. Comp. on behalf of the G. trustee of the St. Petersburg Educational Institution, T. S. M.N. Musin-Pushkin], Saint-Petersburg, YA. Treya Publ., 1849, 293 p.
21. Margolis YU. D., Tishkin G. A. «Edinym vdohnoveniem»: Ocherki po istorii universitetskogo obrazovaniya v Peterburge v konce XVIII-pervoj poloviny XIX v. [“United inspiration”: Essays on the history of university education in St. Petersburg at the end of the XVIII-first half of the XIX century], Saint-Petersburg, SPbU Publ., 2000, 227 p.
22. Zhukovskaya T. N., Pustovojt I. S. *S. S. Uvarov i ego proekty 1811-1821 godov (k 200-letiyu preobrazovaniya Glavnogo Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburgskij universitet)* [S. S. Uvarov and his projects of 1811-1821 (to mark the 200th anniversary of the transformation of the Main Pedagogical Institute into St. Petersburg University)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies], V. 10, no 7 (17), pp. 113-129.
23. Dolgih E. V. K probleme mentaliteta rossijskoj administrativnoj elity pervoj poloviny XIX veka: M. A. Korf, D. N. Bludov [On the problem of the mentality of the Russian administrative elite of the first half of the XIX century: M. A. Korf, D. N. Bludov], Moscow, Nauka Publ., 2006, 344 p.
24. Uvarov S. S. *Opyt avtobiografii, posvyashchennyj moemu synu. Opyt avtobiografii Sergeya Uvarova. 1852* [The experience of an autobiography dedicated to my son // The experience of Sergey Uvarov's autobiography. 1852]. *Tetrad' po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], no 1, 2018, pp. 298-318.
25. Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb). F. 139. Op. 1. D. 547. 33 p.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Op. 20. D. 177. 19 p.
27. Nachal'noe i srednee obrazovanie v Sankt-Peterburge. XIX – nachalo XX veka. Sbornik dokumentov [Primary and secondary education in St. Petersburg. XIX – early XX century. Collection of documents], Saint-Petersburg, Liki Rossii Publ., 2000, 359 p.
28. Speranskij M.M. Proekty i zapiski [Projects and notes], Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1961, 244 p.
29. Rozhdestvenskij S. V. *Dve zapiski M. M. Speranskogo. Materialy dlya istorii uchebnyh reform v Rossii v XVIII-XIX vekah* [Two notes by M. M. Speransky. Materials for the history of educational reforms in Russia in the XVIII-XIX centuries], Saint-Petersburg, 1910, pp. 372-379.
30. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Op. 20. D. 183. 173 p.
31. Shebunin A. N. Brat'ya Turgeny i dvoryanskoe obshchestvo aleksandrovskej epohi. Turgeny N. I. Pis'ma k bratu S. I. Turgeny. 1811 – 1824 [The Turgeny brothers and the noble Society of the Alexandrov Epoch. Turgeny N. I. Letters to his brother S. I. Turgeny. 1811 – 1824], Moscow-Leningrad, Academy of Sciences Publ., 1936, 587 p.
32. Zhukovskaya T. N. Dvoryanskij liberalizm: spory o konstitucijah i rabstve v russkij zhurnalakh 1800-1810-h gg. Master-lekcija [Noble Liberalism: the debate on Constitutions and slavery in Russian journals of the 1800s-1810s. Master Lecture], Petrozavodsk, 2002, 42 p.
33. Uvarov S. S. Rech' Prezidenta Imperatorskoj Akademii Nauk, popechatelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga, v torzhestvennom sobranii Glavnogo pedagogicheskogo instituta, 22 marta 1818 goda [Speech by the President of the Imperial Academy of Sciences, Trustee of the St. Petersburg Educational District, at the solemn meeting of the Main Pedagogical Institute, March 22, 1818], Uvarov S. S. Gosudarstvennye osnovy, Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014, pp. 287-317.
34. Vishlenkova E. A. Zaboty o dushah poddannyh: religioznaya politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka [Taking care of the souls of subjects: religious policy in Russia in the first quarter of the XIX century], Saratov, Saratov university Publ., 2002, 439 p.
35. Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 731. D. 2185. 4 p.
36. Speranskij M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov [A guide to the knowledge of the laws], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 680 p.
37. Dubrovin N. F. Russkaya zhizn' v nachale XIX veka [Russian life at the beginning of the XIX century], Saint-Petersburg, DNK Publ., 2007, 645 p.
38. Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj chetverti XIX veka: zamysly, proekty, voploshchenie [State administration of Russia in the first quarter of the XIX century: ideas, projects, implementation], Moscow, Novyj hronograf Publ., 2012, 448 p.
39. Department of Manuscripts of the Russian National Library (OR RNB). F. 656. Ed. hr. 6. 40 p.
40. Andreeva T. V. Tajnye obshchestva Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie [Secret Societies of Russia in the first third of the 19th century: government Policy and Public Opinion], Saint-Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 911 p.
41. Zorin A. L. Kormya dvuglavogo orla...: literaturnaya i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX v. [Feeding the double-headed Eagle...: literary and state ideology in Russia in the last third of the XVIII – first third of the XIX century], Moscow, New Literary Review Publ., 2004, 414 p.
42. Pogodin M. P. *K biografii M. M. Speranskogo* [To the biography of M. M. Speransky]. *Russkij arhiv* [Russian Archive], 1871, no 12, pp. 1942-1948.
43. Runich D. P. Iz zapisok [From notes]. *Russkaya starina* [Russian antiquity], 1901, T. 106, no 5, pp. 373-394.
44. Korf M. A. *ZHizn' grafa Speranskogo* [The Life of Count Speransky]. Moscow, Statut Publ., 2014, 487 p.
45. Grech N. I. Zapiski o moej zhizni [Notes about my life]. Saint-Petersburg, A. S. Suvorina Publ., 1886, 588 p.
46. Vigel' F. F. Zapiski [Notes]. Moscow, Zaharov Publ., 2000, 590 p.
47. Pis'ma Aleksandra Turgenyeva Bulgakovym [Letters from Alexander Turgenyev to Bulgakov], Moscow, State Socio-Economic Publ., 1939, 375 p.
48. Longinov M. N. *Vospominanie o grafe S. S. Uvarove* [The memory of Count S. S. Uvarov]. *Sovremennik* [Contemporary],

1855, pp. 119-124.

49. Vasil'chikov A. A. Semejstvo Razumovskikh [The Razumovsky family], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevicha Publ., 1880-1894, T. 2, 1880, 588 p.

50. Gyoce P. P. Iz zapisok Petra Petrovicha fon Gyoce «Knyaz' Golitsyn i ego vremya» [From the notes of Peter Petrovich von Goetze «Prince Golitsyn and his time»]. *Russkij Arhiv* [Russian Archive], 1902, kn. 3, pp. 66-107.

51. Sbornik postanovlenij po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Saint-Petersburg, V. S. Balasheva Publ., 1875-1876, T. 1: Carstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802-1825 [god], 1875, 1864 stb.

52. Aleshincev I. A. Istoriya gimnazicheskogo obrazovaniya v Rossii (XVIII i XIX vek) [The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries)], Saint-Petersburg, O. Bogdanovj Publ., 1912, 346 p.

53. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Op. 20. D. 288. 163 p.

54. S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti. 1819-1919. Materialy po istorii S.-Peterburgskogo universiteta. T. 1. 1819-1835 [St. Petersburg University in the first century of its activity. 1819-1919. Materials on the history of St. Petersburg University. Vol. 1. 1819-1835], red. S. V. Rozhdestvenskogo, Petrograd, 1919, 760 p.

55. Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). F. 17. Op. 1. Ed. hr. 45. 246 p.

56. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 732. Op. 1. D. 20. 362 p.

57. Shevchenko M. M. Konec odnogo velichiya [The End of One Greatness], Moscow, Tri kvadrata Publ., 2003, 256 p.

58. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Op. 1. D. 101. 121 p.

59. Zhukovskaya T. N. «Delo professorov» 1821 goda v Peterburgskom universitete: novye interpretacii [“The Case of Professors” in 1821 at St. Petersburg University: new interpretations]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. gumanitarnykh nauk* [Scientific notes of the Kazan University. Ser. humanities], 2019, T. 161, Kn. 2-3, pp. 96-111.

60. Arhiv brat'ev Turgenevykh. Dnevnik i pis'ma Nikolaya Ivanovicha Turgeneva za 1816–1924 gody [Archive of the Turgenev brothers. Diaries and letters of Nikolai Ivanovich Turgenev for the years 1816-1924], Petrograd, Akademicheskaya dvenadcataya gosudarstvennaya Publ., 1921, T. 3, 501 p.

61. Majofis M. L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossijskij modernizatsionnyj proekt 1815 – 1818 godov [Appeal to Europe: The Literary Society “Arzamas” and the Russian modernization project of 1815-1818], Moscow, New Literary Review Publ., 2008, 800 p.

62. Pis'mo byvshego popechitelya Sankt-Peterburgskogo uchebnogo okruga S. S. Uvarova k imperatoru Aleksandru I [Letter from the former trustee of the St. Petersburg Educational District S. S. Uvarov to Emperor Alexander I]. Suhomlinov, M. I. Issledovaniya i stat'i po russkoj literature i prosveshcheniyu. T. 1 [Research and articles on Russian literature and education. Vol. 1], Saint-Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1889, pp. 378-385.

63. Pypin A. N. Issledovaniya i stat'i po epohe Aleksandra I. T. 1: Religioznye dvizheniya [Research and articles on the era of Alexander I. Vol. 1: Religious Movements], 1916, Petrograd, Ogni Publ., 486 p.

64. Department of Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). F. 17. Op. 1. D. 82. 193 p.

65. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 732. Op. 1. D. 383. 246 p.

66. Pogodin M. P. Dlya biografii gr. S.S. Uvarova [For the biography of Count S.S. Uvarova]. Russkij arhiv [Russian Archive], 1871, no 12, pp. 2078-2112.

© «Клио», 2024

© Пустовойт И.С., 2024